
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

СЛОВО (*)

ВЪ НЕДѢЛЮ ТРИНАДЦАТУЮ ПО ПЯТИ- ДЕСЯТНИЦѢ.

Святая церковь въ Евангельскомъ чтеніи настоящаго дня предложила нашему вниманію притчу Господа о виноградѣ человѣка домовитаго и о дѣлателяхъ въ виноградникѣ его. Притчу эту вы слышали уже; объяснимъ теперь ее по возможности и извлечемъ изъ нея для себя назиданіе.

Человѣкъ нѣкій, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, *бѣ домовитъ* (Матѣ. XXI, 33). *Человѣкъ нѣкій*. Подъ такимъ простымъ наименованіемъ Господь, какъ показываетъ содержаніе притчи, благоволилъ сокрыть святѣйшее имя небеснаго Отца Своего. *Бѣ домовитъ*. По образному выраженію св. писанія, небо есть *престолъ Божій*, а земля *подножіе Его*. Вся вселенная, посему, можно сказать, есть царственный домъ Отца небеснаго, гдѣ дѣйствуетъ Онъ, какъ хозяинъ, и распоряжается, какъ полновластный Господинъ: создаетъ и разрушаетъ, насаждаетъ и искореняетъ, даетъ служенія и отъемлетъ, замѣщая однихъ дѣлателей другими.

Иже насади виноградъ. Домовитый человѣкъ, по сказанію притчи, въ предѣлахъ владѣнія своего, насадилъ виноградъ или развелъ виноградный садъ. Что это за виноградъ? Подъ виноградомъ, или садомъ винограднымъ разумѣется въ притчѣ народъ Еврейскій и ветхозавѣтная церковь, какую

(*) Составлено изъ двухъ словъ, говоренныхъ, одно за другимъ, въ два воскресныхъ дни.

Отець небесный насадилъ въ народъ семь. Такъ даетъ понимать это пророкъ Исаія: *виноградъ Господа Саваова*, говоритъ онъ, *домъ Израилевъ есть* (V, 7). Такъ истолковалъ это и самъ Господь Иисусъ: *сею ради*, сказалъ Онъ Иудеямъ въ заключеніе притчи о виноградѣ, *малою вамъ, яко отгмется отъ васъ царствіе Божіе (церковь) и дастся языку, творящему плоды его* (Мѡ. XXI, 43).

Такое истолкованіе соотвѣтствуетъ и существу дѣла. Какъ виноградная лоза есть одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ насажденій и произрастеній, какія только вызваны къ бытію всемогущимъ словомъ Творца, и виноградная ягода изъ всѣхъ ягодъ на землѣ есть самая отборная: такъ и народъ Еврейскій между всѣми народами, обитавшими во вселенной, былъ самый лучшій; потому что изъ всѣхъ языковъ, *иже на землѣ* (Втор. XIV, 2), *избранъ былъ одинъ онъ* для насажденія и храненія въ средѣ его истинной церкви Божіей, потому, что ему одному, какъ выражается Апостоль, даны свыше *и застъты, и законоположеніе, и служенія, и обѣтованія* (Рим. IX, 4, 5), и паче всего обѣтованіе того, что составляло краугольный камень и какъ-бы душу всего духовнаго зданія церкви, именно обѣтованіе, что изъ среды его *родится Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ*, Спаситель міра.

И оплотомъ огради его, и ископа въ немъ точило, и созда столцъ, и вдаде и дѣлателямъ и отгиде (33). Домовитый челоуѣкъ, насадивъ виноградъ, въ огражденіе его отъ хищниковъ и вреднаго вліянія на него тлетворныхъ вѣтровъ, обноситъ его заборомъ. Для давленія винограда и извлеченія соковъ изъ ягоды его, устроилъ въ немъ точило. Для особеннаго надзора за виноградникомъ, поставилъ въ немъ столцъ или сторожевую башню, такъ чтобы издали можно было видѣть съ нея всѣхъ, проходящихъ мимо виноградника. Приставилъ, наконецъ, къ винограднику и особенныхъ работниковъ для ухода и надзора за нимъ и, затѣмъ, въ ожиданіи плода, *отгиде*. Крѣпкимъ оплотомъ, высокимъ заборомъ Отець небесный оградилъ и церковь ветхозавѣтную. Такимъ оплотомъ, такимъ заборомъ былъ для нея богописанный законъ Моисеевъ. Дивно крѣпокъ и надеженъ былъ этотъ оплотъ. Въ законѣ все сказано, что нужно было для

Еврей, чтобы быть ему истиннымъ членомъ церкви и общества гражданскаго. Въ законѣ все сказано о богослуженіи, порядкѣ и о временахъ богослуженія, о жертвахъ и видахъ ихъ. Въ законѣ все сказано, что не только вообще, но и въ частности нужно было чадамъ Авраама для воспрепятствованія наплыву въ нѣдра ихъ церкви мнѣній и суевѣрій идолопоклонства. Словомъ, народъ Еврейскій за закономъ Моисеевымъ былъ, какъ виноградъ за крѣпкимъ заборомъ или высокою стѣною. Давъ законъ чрезъ Моисея, Отецъ небесный далъ церкви ветхозавѣтной и точило. Прекрасенъ, драгоцененъ виноградъ и въ своей ягодѣ золотистой, но еще лучше онъ въ сокахъ своихъ, т. е. лучше и дороже та влага или, по выраженію пророка, *вродова кровь* его, которую извлекаетъ изъ него точило на утѣшеніе скорбящаго сердца и подкрѣпленіе немощнаго тѣла. Этую влагою, этимъ сокомъ или, если такъ можно выразиться, главнымъ содержаніемъ, сущностію ветхозавѣтной церкви было проходившее во всѣ вѣка обѣтованіе о Мессіи, какъ о *Англѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра*. По опредѣленію предвѣчнаго совѣта, Избавитель міра долженъ былъ *язвенъ бытъ за грѣхи* человечества и *мучимъ бытъ за беззаконія* его, и, какъ жертва, умереть на крестѣ, когда неповинная кровь Его, какъ чистая *кровь* винограднаго *врода* (Втор. XXXII, 14), дѣйствительно и пролилась на Голгоѣ въ спасеніе и укрѣпленіе, въ оживленіе и обновленіе изнывавшаго подъ грѣхомъ и проклятіемъ человѣка. На необходимость этой очистительной и спасительной крови, какъ тѣнь на тѣло, вотъ и указывала всегда въ церкви ветхозавѣтной кровь тельцовъ и овновъ и всѣхъ вообще животныхъ, какая изливалась на жертвенникѣ подъ священнымъ жертвеннымъ ножомъ за грѣхъ человѣческій. Такъ разъясняетъ намъ это Апост. Павелъ (Евр. X, 1—10). Былъ у Отца небеснаго въ ветхозавѣтной церкви Его и сторожевой столпъ; это—особое сословіе священства, которое, по самой исключительности своего званія, обязывалось всячески оберегать церковь Божию отъ вторженія въ нее нечистотъ язычества и охранять чистоту богооткровеннаго ея ученія, словомъ, быть *стражемъ дому Израилева*. Были наконецъ у Отца небеснаго въ церкви ветхоза-

вѣтной и особе дѣлатели: *и одаде и дѣлателямъ*. Въ обширномъ смыслѣ это—вообще всѣ, кто только трудился для ветхозавѣтной церкви Божіей, кто управлялъ ею, или вліялъ на нее по охраненію и распространенію въ ней богопознанія и богопочитанія. Таковы были: судіи, правители, цари, священноначаліе, священники. Въ тѣсномъ смыслѣ, въ разсматриваемой притчѣ подѣ дѣлателями можно понимать по преимуществу священноначаліе, священство, учительское и ученое сословіе. Такъ по крайней мѣрѣ поняли притчу Господа архіереи и любившіе считать себя учеными и учителями народа Фарисеи. *Разумѣша*, сказалъ Евангелистъ, *яко о нихъ глаголетъ* (45).

Виноградъ Отца небеснаго, какъ видите, былъ въ полной формѣ, во всемъ своемъ видѣ: насажденъ и огражденъ; ископано въ немъ точило и поставленъ сторожевой столпъ; приставлены къ нему и особе работники—дѣлатели.

Теперь посмотримъ, каковы были эти дѣлатели.

Дѣлатели!... Но, Боже мой, мнѣ ли, мнѣ ли, тоже дѣлателью въ виноградѣ Твоемъ, приподнимать завѣсу, за которою сокрыто было столько сквернъ и неправдъ, столько своекорыстія и тщеславія, кровей и измѣнъ несчастныхъ собратій нашихъ,—дѣлателей древняго винограда Твоего? Правда Твоя осудила ихъ: неосудитъ ли она и насъ, воспріятелей служебнаго жребія ихъ и продолжателей дѣла ихъ?

Но да будетъ воля Твоя во всемъ и надъ всѣми!

Не я, впрочемъ, братія, и приподниму завѣсу, которая, до поры до времени, скрывала отъ міра темныя дѣла древняго пастырства. Подниметь ее Святѣйшая рука самаго Архіерея великаго, Иисуса Христа. Внемлите.

Егда, продолжаетъ притча, *приближися время плодовъ, домовитый человекъ посла рабы своя къ дѣлателямъ пріяти плоды его. И емше дѣлатели рабовъ Его, оваго убо биша, оваго же убиша, оваго же каменіемъ побиха. Паки посла ины рабы множайшія первыя: и сотвориша имъ такожде. Послѣди же посла къ нимъ сына своего, глаголя: усрамятся сына моего. Дѣлатели же, видѣвши сына, рѣшиша въ себя: сей есть наследникъ: приидите, убіемъ его и удержимъ достояніе его. И емше его, изведоша оны изъ*

винограда и убиша (ст. 34—40). Какая мрачная и ужасная картина! Какое кровавое и отталкивающее зрѣлище! Да, описаніе Господомъ Иисусомъ дѣлателей церкви ветхозавѣтной до очевидности показываетъ въ высшей степени извращенный взглядъ ихъ на свое призваніе. По словамъ притчи, имъ казалось дѣломъ, ни съ чѣмъ, по видимому, несообразнымъ, смотрѣть на церковь Божию, въ которой они поставлены были дѣлателями, какъ на неотъемлемую собственность Божию, какъ на неприкосновенный *виноградъ Господа Саваова*, а на себя, какъ на приставниковъ только, на служителей, обязанныхъ во всемъ сообразоваться съ точною волею Господина церкви. О, опасно и во всякомъ состояніи увлекаться корыстію, любоначалиемъ и славолубіемъ. Но такое увлеченіе несравненно опаснѣе въ пастырскомъ служеніи. Въ послѣднемъ случаѣ оно угрожаетъ самыми гибельными послѣдствіями: угрожаетъ расшатать мало по мало дѣло Божіе, непримѣтно измѣнить богооткровенной истинѣ, затмить ея смыслъ и путемъ произвольныхъ мнѣній и толкованій, въ концѣ концовъ, не только извратить прямую волю Божию, но и довести до безумнаго *возношенія на разумъ Божій* и даже до присвоенія власти Божеской. Это мы и видимъ на древнемъ пастырствѣ. Жажда корысти, увлеченіе вышними преимуществами, соединенными съ званіемъ пастырскимъ, порожденіе и допущеніе ими въ среду церкви новыхъ мнѣній и произвольныхъ толкованій, составившихъ въ послѣдствіи отдѣльный отъ закона Моисеева кодексъ правилъ и наставленій для ихъ дѣятельности и религіозно-правственнаго міросозерцанія, въ концѣ концовъ, произвели то, что они совершенно извратили свой взглядъ на законъ Божій и церковь Божию, такъ что церковь являлась уже какъ бы ихъ собственнымъ учрежденіемъ, а не Божиимъ насажденіемъ. Это первое. Далѣе. Чуткіе до крайности къ своему авторитету и влиянію, какое имѣли въ народѣ, они не переносили уже вразумленій и обличеній. Изъ корысти и славолубія, а равно улекаясь до ослѣпленія и преданіями старцевъ и своими мнѣніями, они то обходили законъ, въ коемъ изображена истинная воля Божія, то извращали собственный смыслъ его въ угоду утвердившихся у нихъ мнѣній. Естественно, что и

на ирабовъ Божіихъ, каковы были пророки, коихъ, по временамъ, Отець небесный посылалъ къ нимъ, въ качествѣ чрезвычайныхъ посланниковъ, для вразумленія и обличенія, смотрѣли они не только какъ на лютыхъ враговъ своихъ, посягавшихъ будто на законный авторитетъ ихъ въ церкви, но и какъ на прямыхъ нарушителей закона Божія, а потому и предавали ихъ побоямъ и казнили смертію. Такъ палъ Исаія, живой разрѣзанный пилою. Такъ пали и прочіе пророки, о крови которыхъ за слово правды засвидѣтельствовалъ Христосъ (Мѡ. XXIII, 37). Такъ палъ наконецъ и истинный Сынъ и Наслѣдникъ Отца небеснаго, Самъ Исусъ Христосъ, изведенный ими изъ винограда, или вонъ изъ Иерусалима и распятый за стѣнами его на Голгоѣ. *Дѣлатели же, видѣвши сына, рѣша въ себѣ: сей есть наслѣдникъ: приидите, убьемъ Его и удержимъ достояніе Его. И емше Его, изведоша вонъ изъ винограда и убиша.*

Братія! Чему можемъ мы поучиться изъ объясненной нами притчи Господа?

Можемъ поучиться многому, но главный урокъ даетъ намъ конецъ притчи. Когда Господь, окончивъ притчу, спросилъ слушающихъ Его архіереевъ и фарисеевъ: *егда приидетъ Господинъ винограда, что сотворитъ дѣлательмъ тѣмъ* (ст. 40), въ виду непреложной правды, и они, хотя и нежелали-бы, принуждены были однако сказать тоже правду. *Злыхъ, сказали они, зль погубитъ ихъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлательмъ, иже воздадутъ ему плоды во времена своя* (ст. 41). Господь подтвердилъ приговоръ ихъ (ст. 45), а исторія на своихъ страницахъ передала во всей подробности племенамъ и народамъ страшное исполненіе онаго.

Злыхъ зль погубитъ! Слышите же, священноначальствующіе, слышите и вы, священствующіе: *злыхъ дѣлателей въ церкви своей Господь зль погубитъ и виноградъ* (церковь свою), *предастъ инымъ дѣлательмъ!*

Изъ грознаго приговора сего, какъ день, видно, что смотрѣть на служебное призваніе наше въ церкви Божіей легкомысленно, или смотрѣть такъ, какъ вывздумается и какъ захочется, никакъ нельзя намъ. Ни одинъ хозяинъ не ста-

неть держать у себя работника нерадиваго, непокорнаго, своевольнаго, вора, грабителя, убійцу. Нетолько онъ прогнать его, но и предать публичному суду, безошадному позору. Таковъ законъ правды! Таковы права собственности! Возраженіе, что Господь произнесъ приговоръ свой не надъ новозавѣтнымъ, а ветхозавѣтнымъ священствомъ, нисколько не можетъ успокоивать насъ, служителей новаго завѣта. Новозавѣтная церковь не начинается, вѣдь, собою церковь Божию, а только продолжаетъ существованіе ея, хотя и въ иныхъ условіяхъ, при новомъ, вышемъ уже раскрытіи Божественной домостроительной истины. Какъ тогда, такъ и теперь главное содержаніе ея одно: Христосъ, Спаситель міра, тогда ожидавшійся только, а теперь пришедшій уже и совершившій наше спасеніе. И мы, составляющіе новозавѣтное священство,—не новое, по этому, учрежденіе въ церкви Божіей, а только воспріятели служебнаго жребія древнихъ собратій нашихъ и продолжатели служебнаго дѣла ихъ. Прислушайтесь къ притчѣ: виноградъ, по словамъ ея, не вновь вѣдь насаждается, а только передается въ другія руки,—въ руки иныхъ дѣлателей. Стало быть, приговоръ: *злыхъ злы поубитъ*, во всей силѣ своей касается и насъ. *Злыхъ злы поубитъ!* Да, братія, если мы въ церкви Божіей, гдѣ удостоены великой чести быть дѣлателями или священнослужителями ея, подобно древнему священству, ищемъ не славы Божіей и не спасенія ближнихъ, ввѣренныхъ нашему попеченію, а напротивъ ищемъ только почестей и славы отъ людей; если мы сами не учимся, не учимъ и другихъ Закону Божию *благовременно и безвременно*; если слово Божіе, *умудряющее во спасеніе*, съ теченіемъ времени, мало по малу, среди житейскихъ заботъ, забывается нами и перестаетъ быть *сѣтлинникомъ ногамъ нашимъ*; если словесное стадо наше не оберегаемъ отъ современныхъ развратныхъ ученій безвѣрія и отрицанія и смотримъ равнодушно, какъ адскіе волки вторгаются въ оное и *распушиваютъ*; если мы кричимъ только о себѣ: голодно, голодно намъ, а между тѣмъ не обращаемъ вниманія на духовный голодъ паствъ нашихъ; если, наконецъ, прещеніе Господа, что *за кровь погибшихъ по нерадѣнію* нашему словесныхъ овецъ. Онъ

взыщеть съ насъ, перестало уже приводить въ трепетъ сердце наше: можемъ ли думать мы, что Господь, промыслившій о своей церкви, безъ конца будетъ терять и насъ? Едва ли!.. Какъ тогда, такъ и теперь Онъ одинъ и тотъ же. По правдѣ Своей, по промыслительнымъ заботамъ о церкви Своей, *злыхъ дѣлателей*, и въ средѣ насъ, Онъ *злыхъ погубитъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ*.

Одумаемся же, осмотримся, встрепенемся. Слышите и вы, люди ученые, руководители народные: *злыхъ злыхъ погубитъ*.

Наука и церковь, содержащая въ себѣ Божественное откровеніе, обязаны, какъ извѣстно, своимъ происхожденіемъ одному источнику: Богу, виновнику откровенія и Творцу разума. Отсюду назначеніе ихъ—идти къ одной цѣли,—къ истинѣ. Но наука, какъ произведеніе помраченнаго уже грѣхомъ человѣческаго ума, естественно, въ своихъ исканіяхъ истины должна стоять къ церкви или богооткровенной религіи, исповѣдуемой церковію, не только въ служебномъ, но и въ прямо подчиненномъ отношеніи. Пока она блюдетъ такіа отношенія, пока, какъ ученица, *плнняетъ себя въ послушаніе тры*, она воистину дѣлательница въ церкви Божіей. И какъ хороша она въ своемъ союзѣ съ откровеніемъ! Тогда, по словамъ премудраго, *стоитъ она близъ самага Бога* (Прем. Сол. VI, 19) и въ Его свѣтѣ черпаетъ себѣ силу и озареніе, неисключая и сподручной ей области естествовѣдѣнія (Прем. Сол. VП, 17—25). Тогда она, изслѣдывая причины частныхъ явленій естества, не останавливается, однако, на нихъ только въ своихъ выводахъ, а по нимъ, какъ по лѣтницѣ, восходитъ далѣе,—къ причинѣ всѣхъ причинъ, къ верховному Творцу и Промыслителю (Римл. 1, 19, 20). Тогда она, во свѣтѣ Божіемъ, ясно видитъ и немощъ познавательныхъ человѣческихъ силъ, и тотъ предѣлъ, за которымъ у нея нѣтъ уже силъ для своихъ работъ пролагать стезю съ однимъ своимъ свѣтомъ. Тогда она, проникаясь смиреніемъ, естественно *не возносится уже на разумъ Божій*, а объемлетъ вѣрою открытое имъ ученіе о тайнахъ царствія Божія, о путяхъ св. промысла Его и о загробной жизни человѣка. „*Кто*, спрашиваетъ она, *отъ челоука познаетъ свѣтъ Божій? Или*

кто помыслитъ, что *отягощаетъ Богъ?* И смиренно отвѣтствуетъ: никто. Такъ отвѣтствуетъ она не раболѣпно только, не безсознательно, но въ глубокомъ сознаніи того, что *помысленія смертныхъ* вообще *болзлива и погрѣшительна* *умышленія наша; что это тѣло тѣльное отягощаетъ нашу душу и земное жилище обременяетъ умъ многопечителенъ; что чѣловѣкъ, въ состояніи грѣха, до того слабъ и близорукъ, что самъ по себѣ едва разумѣваетъ и то, что на землѣ, и съ трудомъ находитъ, что и подъ руками у него; что по этому самому онъ никогда бы не позналъ того, что на небѣ, и неуразумѣлъ бы воли Господней, если бы самъ Господь не далъ телу премудрость и не ниспослалъ ему съ высоты Духа Своего Святаго (Прем. Сол. IX, 14—18). Понятно, насколько такіе дѣятели науки могутъ служить церкви Божіей и способствовать ей въ нравственномъ усовершенствованіи членовъ ея. Понятно, почему премудрый сказалъ о нихъ: *никого же любитъ Богъ, токмо сею, иже съ премудростію пребываетъ* (Прем. Сол. VI, 28). Понятно, наконецъ, что правда Божія готовитъ такимъ дѣлателямъ благословіе народовъ и память вѣчную въ церкви своей.*

Но если, люди ученые, ученость ваша не такова, если она порвала уже союзъ свой съ откровеніемъ, не прислушивается болѣе къ глаголамъ вѣры и вѣщаніямъ церкви и въ своихъ изысканіяхъ не видитъ и не хочетъ видѣть далѣе того, что даетъ реторта, телескопъ и микроскопъ; если подь предлогомъ свободы слова, вы, посредствомъ слова и печати, неизбежно стараетесь колебать богооткровенную истину, извращать смыслъ ея и даже вовсе отвергать ее, а съ нею и церковь, наводняя средѣ христіанскую своими пагубными ученіями: что тогда? Что? Увы, не устоять вамъ! Судь Божій: *„злыхъ злы погубитъ“*, — грянетъ и надъ вами.

Вы возстаєте противъ откровенной истины вообще и Христовой въ частности? Дѣло не новое! Свѣтъ Христовой истины, съ самаго появленія его, *во тьмѣ свѣтитъ*, но тьма человеческихъ заблужденій его *не обгнала* и никогда не *любитъ*, не *угашала* и не *угаситъ*, не *уничтожила* и не *уничтожитъ* (Ев. Іоан. 1, 5). Напротивъ, придетъ, непре-

омѣнно придетъ время, когда торжкіе плоды вашихъ ученій, обнаруживъ собою сполна всю несостоятельность ихъ и пагубность для государствъ, обществъ и семействъ, вмѣстѣ съ этимъ укажутъ и на божественность и безусловную потребность для міра Христовой истины. Что это такъ, неподлежитъ сомнѣнію. Не случайно вѣдь, и не на время только, загорѣлся надъ Вилеемомъ свѣтъ ея. Христосъ просвѣтитель, Христосъ Спаситель міра: вѣдь, это—истина міродержавная: она обуславливала и обуславливаетъ собою бытіе міра и продолженіе его. Это—камень, положенный во главу всего Божественнаго міроуправленія. Сдвинуть съ мѣста этотъ камень, значитъ потрясти міръ въ своихъ основаніяхъ. Отринуть его вовсе, значитъ приговорить міръ къ разрушенію. И такъ потерпитъ ли Господь, какъ верховный Міроуправитель, *разоряющихъ предвѣчный советъ Его о мірѣ? Нѣтъ, злыхъ злы погубитъ Онъ; потому что поругаемъ не бываетъ.*

Жалкіе люди! Въ озлобленіи своемъ они утратили и простой смыслъ человѣческой, и духовный слухъ и способность наблюденія надъ самыми ближайшими предметами. Хотятъ, на примѣръ, не видѣть въ человѣкѣ человѣка, или существа богоподобнаго, безсмертнаго; хотятъ, напротивъ, видѣть въ немъ только животное. Но почему же они не видятъ того, что видятъ и дикари, съ презрѣніемъ отворачивающіеся отъ той чести, какою навязываютъ они цивилизованному человѣку? Почему не видятъ, что и одна мысль объ отождествленіи человѣка съ животнымъ претитъ природѣ даже такого человѣка, который въ духовномъ развитіи своемъ мало чѣмъ отличается отъ животнаго? Почему не видятъ, что съ этою мыслию становятся бессмысленными всѣ труды для наукъ и искусствъ, всякая цивилизація, просвѣщеніе, законодательство? Для нѣсколькихъ лѣтъ скотской жизни стоитъ ли изнурять себя и убивать трудомъ! Хотятъ отнять у человѣка Бога, но какъ при этомъ не помышляютъ они, что прежде, чѣмъ сказать: нѣтъ Бога, надо обезумѣть, искалѣчить себя духовно, закрыть въ себѣ духовный слухъ, оцѣмѣть, оцѣнѣть въ своихъ духовныхъ силахъ. Вѣдь небо и земля всегда и вездѣ громко и неумолкаемо *повѣдаютъ славу Его*, а богоподобныя силы души человѣческой всюду ищутъ Его и какъ въ

себѣ, такъ выявляя себя, во всей видимой природѣ, постоянно наталкиваются на слѣды *присносущной силы Его и божества*. Хотятъ отнять у насъ Христа: а куда мы дѣнемся тогда съ язвами нашей совѣсти, съ скорбями сердца, съ мракомъ ума и нашимъ Грѣхомъ? Эти язвы, эти скорби, этотъ мракъ и сознаваемая нами виновность наша предъ Богомъ, какъ дѣйствительныя наши язвы, какъ дѣйствительныя наши болѣзни и дѣйствительно развѣдающее насъ зло, безусловно требуютъ Его, требуютъ также непременно, какъ больные — врача, какъ несчастные — помощника и утѣшителя, какъ сидящіе во тьмѣ — свѣта или свѣтильника, и какъ виновные — защиты и помилованія. Нѣтъ, пока будетъ существовать небо и земля, пока душа человѣческая будетъ сохранять въ себѣ природенныя ей духовныя свойства и не утратить самосознанія и самонаблюденія, не отнять, никогда и никакимъ образомъ не отнять имъ у человѣка Бога, Христа, церкви и вѣры въ безсмертіе души его. И, ей, придетъ время, когда совершится неумолимый судъ Божій надъ соблазнителями и развратителями. Придетъ часъ, когда, непосредственнымъ ли то дѣйствіемъ невидимаго суда Божія, или видимымъ дѣйствіемъ власти, Богомъ установленной, или же наконецъ, въ силу большаго просвѣтлѣнія народнаго сознанія, но исполнится пророчески — судное слово Божественнаго Основателя церкви: *всякъ садъ, елиже не насади Отець небесный, искоренится* (Мат. XV, 13). Время это, часъ этотъ въ нѣкоторой степени уже наступили. Прислушайтесь, какъ потрясаемыя богоборными учениями въ своихъ основахъ современныя государства, общества и семейства уже произносятъ свое порицаніе, выражаютъ презрѣніе, а даже проклятіе и разрушительнымъ ученіямъ безвѣрія и отрицанія и, покрывая позоромъ виновниковъ ихъ, принимаютъ строгія и даже карательныя мѣры къ обузданію ихъ. Такъ *злыхъ злы поубитъ* Господь. Даетъ ли притча Господа еще какой урокъ? Даетъ ли притча для всѣхъ одинаковый, и безъ различія званій и состояній. Вы слышали, что Господь въ притчѣ о виноградѣ чле-

новъ ветхозавѣтной церкви назвалъ виноградомъ небеснаго Отца своего. Безъ различія званій и состояній, и мы всѣ, составляющіе церковь новозавѣтную, призваны быть духовнымъ виноградомъ.

Азъ есмь лоза (виноградная), *вы же рождіе* (Ев. Іоан. XV, 5), говоритъ Христосъ. Высокая честь! Только идетъ ли къ намъ она? Виноградъ ли мы на самомъ дѣлѣ по нашей вѣрѣ, по качествамъ души, по характеру жизни? Не дикая ли маслина? Не терніе ли? Даже не изсохшая ли вѣтвь, какъ давнымъ давно отломившаяся отъ живоносной лозы своей—Христа? Вопросы тревожные! Но въ томъ то и дѣло, что надо же знать намъ, кто мы на самомъ дѣлѣ: виноградъ, или дикая маслина? Ростемъ духовно, или увядаемъ? Зрѣемъ, или засыхаемъ? Кратко: Христовы ли мы, или отдѣлились уже отъ Него, и по духу чужды Ему? На эти-то важные вопросы и наводитъ насъ притча Господа о виноградѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы—истинные послѣдователи Христовы и въ такомъ находимся отношеніи къ Нему, какъ виноградная вѣтвь къ своей лозѣ: въ насъ немогутъ не выявляться тогда Его образъ мыслей, Его любовь къ ближнимъ, Его преданность волѣ Отца небеснаго, Его кротость и терпѣніе, Его жизнь и дѣла, словомъ—плоды духа Его. Вѣтвь живетъ, вѣдь, жизнію своей лозы. Но какое право имѣемъ мы назвать себя христіанами, когда въ насъ ничто неопредѣляетъ внутренняго союза нашего со Христомъ, когда у насъ нѣтъ ни дѣлъ Христовыхъ, ни душевныхъ свойствъ Его? Подумаемъ же и подумаемъ внимательно, Христовы ли мы, или чуждые Ему. Подумать о семъ располагаетъ насъ Самъ Господь Іисусъ. *Аще, продолжаетъ Онъ, кто во мнѣ не пребудеть, извержется вонъ, якоже роза, и исшетъ, и собираютъ ю и въ огонь влагаютъ, и сжигаютъ* (Ев. Іоан. XV, 6). Какіе страшные символы! Какія грозныя предвѣщанія гнѣва Божія! Выбросится вонъ!.. Изсохнетъ!.. Ввержется въ огонь!.. Спорить!.. Видно, братія, отъ грознаго суда Божія не спасетъ насъ одна наружная принадлежность къ христіанству. Видно, и состоя въ виноградникѣ Христовомъ,—въ церкви Его,—можно не быть виноградомъ или

живымъ членомъ церкви. Видно, для христіанства нужны: душа христіанская, совѣсть христіанская и жизнь христіанская, или возможно точное послѣдованіе Господу Іисусу. Видно, наконецъ, приговоръ суда Божія: *злыхъ злы погубитъ*, угрожаетъ не однимъ злымъ дѣлателямъ въ виноградѣ Христовомъ, но и всѣмъ безъ изыятія членамъ церкви, если они не живутъ по христіански и не являютъ въ своей жизни плодовъ духовныхъ. Аминь.

Протоіерей Вас. Розалиевъ.

II.

Раскольническая іерархія.

Обращеніе въ православіе бывшего раскольническаго священника Г. Я. Ершова, въ средѣ старообрядческаго міра много произвело разнаго рода разговоровъ. Ревнители раскола крайне негодуютъ на него и всѣми способами стараются очернить его прошлую жизнь, хотя прежде почитали его однимъ изъ лучшихъ священниковъ; особенно досадуетъ самъ Антоній ШUTOвъ. Когда главный секретарь его Швецовъ донесъ ему о его присоединеніи, то онъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ: „разбойникъ, совершенно тово, переходилъ бы къ Никоніанамъ, да не печаталъ бы въ вѣдомостяхъ то“. Такіе отзывы были и о служащихъ въ канцеляріи ШUTOва, И. Ломакинъ, Д. Харитовъ, П. Васильевъ, Я. Дивилецъ, Е. Антоновъ и Л. Погодинъ, которые всѣ въ семилѣтній періодъ времени покинули канцелярію и присоединились къ церкви. Когда они находились въ штатѣ Антоніевыхъ богослововъ, старообрядцы восхваляли ихъ доблести и превозносили книжныя познанія, но когда обратились въ православіе, то злословили и понесли ихъ разными хулами. Но пусть такъ относятся къ Ершову люди предубѣжденные; но не слѣдуетъ ли разсудительнымъ старообрядцамъ обратить вниманіе на то, что находящемуся при старости лѣтъ измѣнять религіозныя убѣжденія не легко, прослужившему болѣе двадцати пяти лѣтъ въ